

УДК 32

Н. В. СКОК

Белорусско-Российский университет, г. Могилев, Беларусь

КОНЦЕПЦИЯ ДОВЕРИЯ ПИТЕРА ШТОМПКИ

Особое внимание уделяется изучению теории доверия польского социолога Питера Штомпки, в которой наиболее полно отражен культурологический подход к данному феномену. Современная социокультурная и политическая ситуация в глобализирующемся мире актуализировала изучение доверия как компонента общественной жизни важного для организации деятельности и стабилизации общественно-политических систем, особенно в условиях их трансформации.

Питер Штомпка так объясняет интерес к проблеме доверия. В первую очередь он связан с устойчивым парадигмальным сдвигом внутри самой социологической науки – от господства «социологии социальных систем» к «социологии действия». На онтологическом уровне это выражается в отказе от «жестких» представлений об обществе и в обращении к «гибким» образам социальности, на эпистемологическом – в переходе от структуралистских объяснений, оперирующих «жесткими» переменными, к культуралистским – с акцентом на подвижных переменных. Второй парадигмальный сдвиг наблюдается уже внутри «социологии действия» – переход от инструментальных и позитивистских образов общества (бихевиоризм, теория обмена, игровая теория, теория рационального выбора) в сторону «гибких», гуманистических представлений о действии (символический интеракционизм, феноменология, герменевтика, исследования культуры). На онтологическом уровне изменяются представления о действии – сконцентрированность на рациональном действии уступает место учету более богатой гаммы действия, включая эмоциональные, традиционные, нормативные, культурные компоненты. В этом плане выделяются два исследовательских направления. Первое акцентирует психологические моменты (мотивацию, причины, намерения, установки) и ведет к психологической модели действия, второе – фокусируется на культурных компонентах (правилах, ценностях, нормах, символах) и приводит к культуралистской социологии действия. На эпистемологическом уровне парадигмальные изменения находят отражение в признании различных видов качественных, интерпретативных, герменевтических процедур как релевантных и эвристичных для интерпретации культурных аспектов действия.

Результатом этого двойного парадигмального сдвига стало преобладание среди актуальных социологических изысканий культурной проблематики, перенос акцента на культурную обусловленность действия. Предполагается, что действие одновременно и обусловлено культурой (аксиологическая, нормативная и когнитивная ориентации), и само служит детерминирующим фактором появления культуры. Другое закономерное достижение культуралистской перспективы состоит в обращении к миру «гибких» межличностных отношений, возобновлении интереса к моральным связям. Штомпка уточняет, что моральное, духовное сообщество представляет собой особую форму отношения к людям, которых мы определяем как «нас» (*us*). При этом действуют три вида моральных обязательств: доверие – ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам; верность – стремление не злоупотреблять возложенным на нас доверием и выполнять возложенные на нас обязанности как принятие чьего-либо доверия; солидарность – забота об интересах других людей и готовность действовать во имя других, даже если это противоречит нашим интересам [1, с. 151].

Таким образом, мы видим усиление интереса к изучению различных обществен-

ных феноменов, в том числе и не имеющих субстанционально культурную природу, сквозь призму культурологического подхода.

Культурологический подход имеет глубокие корни в истории общественно-политической мысли и представлен следующими пятью дискуссионными темами: тема «одинокой толпы» (прослеживаемая от Ф. Тенниса к Д. Рисмену), тема «железной клетки» (от М. Вебера к З. Бауману), тема аномии (от Э. Дюркгейма к Р. Мертону), тема отчуждения (от К. Маркса к М. Симулу) и тема «восстания масс» (начатая Х. Ортегой-и-Гассетом и продолженная Л. Виртом).

В современной социологии, считает Штомпка, появились и новые исследовательские линии, в которых обращается внимание на духовные, моральные связи и «гибкие» аспекты культуры. Здесь интерес представляют шесть понятий: «гражданская культура» (Г. Алмонд и С. Верба); «гражданское общество»; «культурный капитал» (П. Бурдьё); «социальный капитал» (Р. Патнем); теория «постматериалистических ценностей» (Р. Инглхарт); «цивилизационные способности» (*civilization competence*) самого П. Штомпки.

Обращение к культурной сфере обусловлено необходимостью для социологии реагировать на новые процессы, происходящие в современном обществе. Это, во-первых, растущее осознание недостатков и неспособности некоторых институциональных каркасов, воспринимаемых ранее само собой разумеющимися: демократические политические режимы, государство всеобщего благоденствия, свободный рынок. Во-вторых, усиление убежденности в том, что одни и те же институты могут по-разному функционировать в различных обществах (несостоятельность западных моделей политических и экономических институтов в ряде стран Африки и Латинской Америки на фоне значительных успехов в Азии; контрастно различающиеся судьбы мигрантов и беженцев, прибывающих из различных стран). В-третьих, осознание значимости культуры (пренебрегаемой ранее) в международных отношениях. В-четвертых, осознание важной роли скрытых культурных факторов для процесса посткоммунистических изменений (препятствия, барьеры, помехи и откаты на пути к демократии и рынку).

По Штомпке, сегодняшний интерес к проблеме доверия, с одной стороны, является лишь частным случаем культурологического разворота в социологической теории. С другой стороны, он выделяет и особые причины для такого интереса, а именно – ряд специфических характеристик общества модерна.

1 Современный мир зависит от все более целенаправленных человеческих усилий; все больше людей занимают активную позицию по отношению к будущему.

2 Растет взаимозависимость мира, необходимость сотрудничества, что, в свою очередь, увеличивает сферу непредсказуемости и неопределенности.

3 Социальная жизнь наполняется новыми и более масштабными угрозами и рисками человеческой деятельности: расширяются условия для катастрофических ошибок, опасных сопутствующих эффектов.

4 Современный мир предлагает невероятные возможности во всех проявлениях жизни. В итоге наши решения и действия наших партнеров становятся все менее предсказуемыми.

5 Огромные сегменты социального мира стали непрозрачными не только для обычных людей, но и для экспертов.

6 Растет анонимность тех лиц, от чьих действий зависит наше благосостояние и существование.

7 Увеличивается число «чужаков», непривычных людей в нашем окружении (миграции, туризм, путешествия).

Каждая из этих характеристик современности предполагает необходимость доверия. Если в распространенных ранее психологических подходах доверие восприни-

малось как личностная установка, то теперь оно чаще всего рассматривается в качестве характеристики межличностных отношений, как культурный ресурс, используемый индивидами в своих действиях. Доверие выступает ключевым компонентом каждого из шести выделенных Штомпкой понятий, симптоматичных для современной обеспокоенности культурой. Так, оно является важным аспектом политической культуры, гражданского общества, культурного и социального капитала, постматериалистических ценностей, цивилизационной компетентности [2, с. 13].

За отправную точку исследования ученый берет темпоральный аспект действия, ориентацию любого действия на будущее. Люди живут и действуют в мире, созданном в значительной мере другими людьми, а также их действиями. Эти другие люди свободны в своем выборе, и окружающие не могут знать, какие они примут решения в той или иной ситуации и как их решения отразятся на нас в целом. Следовательно, существует некий риск, который, с одной стороны, возрастает по мере увеличения социальных связей и контактов между членами общества или организации, а с другой стороны, наличие риска обусловлено тем, что сложно, а иногда и практически невозможно, предугадать последствия действия наших потенциальных партнеров. Осуществляя взаимодействия, человек делает «ставку» на будущие действия своих партнеров, а значит, проявляет к ним доверие или отказывает им в таком доверии. «Доверие и недоверие – это своего рода ресурсы, капитал, который мы приводим в движение, делая свои ставки в этом непрерывном азарте контактов с другими людьми. Доверие позволяет нам уменьшить неуверенность и предположить, что другие будут поступать выгодно для нас или, по крайней мере, нейтрально» [3, с. 368]. Доверие и недоверие выступают в качестве способов борьбы с неуверенностью и социальными рисками и выражаются в конструировании неких положительных или отрицательных моделей будущего.

Штомпка выделяет несколько разновидностей доверия:

- личное доверие – доверие, которое мы испытываем к людям, с которыми вступаем в личные (прямые) контакты;

- позиционное доверие. Имеет более абстрактный характер, направлено на определенные социальные роли, профессии, властные структуры вне зависимости от того, кто конкретно исполняет эти роли, т. е. отсутствует субъективный фактор оценки;

- коммерческое и технологическое доверие. Первое может быть проявлено к определенным товарам (например, продуктам определенной торговой марки, фирме), второе – направлено на сложные технические системы. Общим для них является то, что к своим производителям, а также к тем, кто обслуживает данный вид доверия имеет косвенное отношение;

- институциональное доверие. Обращено к сложным социальным структурам, в свою структуру оно включает процедурное доверие (доверие к институциональным практике и результатам);

- системное доверие – наиболее сложный вид доверия, которое направлено в адрес целостной социальной системы, а также ее участников (общественного строя, экономики, цивилизации).

Рассматривая онтологический статус доверия, Штомпка предлагает три критерия (измерения) обоснованности доверия или недоверия:

- 1) как характеристика *отношений* (односторонних или взаимных). Этот уровень доверия разрабатывается главным образом в теориях рационального выбора. Основная предпосылка таких теорий следующая: и доверяющий, и тот, кому доверяют, воспринимают друг друга как рациональных деятелей, стремящихся максимизировать «прибыль» и минимизировать потери на основе рационального просчитывания имеющейся информации;

- 2) как *личностная черта*. На этом уровне доверие рассматривается преимущест-

венно с точки зрения социально-психологической перспективы. Речь идет о «базовом доверии», «импульсе доверия», «фундаментальной доверчивости». Игнорирование «личностного» измерения доверия снижает объяснительные способности теории рационального выбора, нивелируя богатство и многогранность человеческой личности и поведения, в частности их эмоциональность и иррациональность. Тенденции к оказанию доверия могут иметь групповой, общественный характер. Доверие или недостаток доверия может выступать в качестве социального правила и быть обусловленным не только индивидуальным выбором;

3) *культурный аспект*. Решение доверять или не доверять принимается с учетом культурного контекста, норм, сдерживающих или поощряющих проявление доверия [1, с. 152].

На основании данных критериев доверия польский социолог выводит и соответствующие основания доверия, а именно реляционные, психологические и культурные. Культурный уровень отражает коллективный, исторический опыт общества. Причем значение культурного фактора возрастает, когда дело касается абстрактных объектов: учреждений, институтов, организаций, – и наиболее сильно выражается в позиционном, системном и институциональном видах доверия.

Культурные стереотипы оказывают на общество огромное влияние. Они способствуют продуцированию обобщенного доверия или недоверия и, как итог, формируют особую культуру – культуру доверия/культуру недоверия. Культура доверия – это ценностно-нормативная система, оказывающая независимое давление: или, поощряя, доверять другим и, требуя, быть заслуживающим доверия или, наоборот, провоцируя, недоверчиво относиться к другим. В культурах доверия преобладающие опыты аккумулируются и кодифицируются в правила. Если преобладает позитивный опыт, то для различных сфер социальной жизни доверие с большой вероятностью становится характерным правилом, складывается культура доверия. И наоборот, в случае распространения негативного опыта формируется культура недоверия.

Создание «климата» доверия имеет огромное значение для развития общества. Его формирование обусловлено рядом существенных факторов, к которым можно отнести историческое наследие, структурный контекст – наличие или отсутствие нормативной стабильности, а также вытекающего из этого условия чувства экзистенциальной безопасности, прочность социального порядка (когда происходит быстрая и резкая смена системных характеристик общества, экзистенциальная безопасность оказывается под сомнением, что ведет к появлению общего недоверия), подчинение властей законам, последовательную реализацию прав и строгое исполнение прав граждан.

Таким образом, для появления культуры доверия должны быть как *структурные возможности*, поощряющие доверие, так и *агентурные ресурсы* – готовность и желание воспользоваться этими возможностями.

Вторая необходимая составляющая, благоприятствующая появлению культуры доверия, – определенные характеристики действующих агентов. К числу таковых Штомпка относит, во-первых, наличие определенного «личностного синдрома», коррелирующего с доверчивостью. Помимо обсуждаемого ранее «импульса доверия», речь идет о ряде личностных черт, косвенно связанных с готовностью к доверию/недоверию. Это активизм/пассивность, оптимизм/пессимизм, ориентированность в будущее/традиционалистская ориентация или ориентация «сегодняшнего дня», большие/малые амбиции, достиженческая/адаптационная ориентация, инновационность/конформизм. Распространение в обществе индивидов с тем или иным синдромом на макросоциальном уровне принимает форму социальных настроений. Во-вторых, для появления культуры доверия необходим типовой уровень персонального и коллективного капитала, ресурсов. Наиболее релевантными являются богатство, хорошая стабильная работа,

многообразие социальных ролей, власть, образование, «связи», крепкая семья, религиозные верования [1, с. 149].

Автор приходит к выводу, о том, что доверие в целом выполняет положительную функцию для доверяющего, для того, кому доверяют, для их отношений, для группы, организаций и более широких сообществ. Оно освобождает и мобилизует человеческое действие; поощряет творческий, инновационный, предпринимательский активизм к другим людям; снижает неопределенность и риск, связанные с человеческими действиями, и в итоге «возможности действия возрастают пропорционально возрастанию доверия» (Н. Луман). Диаметрально противоположные выводы сделаны в отношении недоверия [2, с. 14].

Доверие является необходимой предпосылкой политического порядка. В то же время доверие является результатом политического порядка определенного характера. Соответственно, должны складываться качественно иные ситуации при различных формах политического правления.

Петр Штомпка считает, что проблема функциональности доверия изменяется в зависимости от того, как доверие и недоверие трактуются с позиций их как культурных ориентаций и по отношению к отдельным выбранным объектам, и в плане общей «культуры» доверия и недоверия. В этом случае «культура доверия», как и «культура недоверия», является результатом исторического опыта, изменений в социальной и политической структуре общества. Функционирование культуры доверия/недоверия обусловлено опытом прошлого, и если этот опыт был для общества положительным, то оно продуцирует культурно закодированное доверие, и наоборот. В периоды социальных и политических потрясений опыт и традиции «старых» политических структур выглядят как явные анахронизмы. И только культура, в которой содержится закодированное доверие/недоверие, всегда отстает от изменений в других областях общественной жизни. В итоге культурные нормы и правила, ориентации и стереотипы, навязывающие недоверие по отношению к каким-либо группам в новой исторической реальности, выглядят неубедительными. Их существование делает невозможным осуществить общественные преобразования, т. к. оно консервирует отчуждение, изоляцию и, в целом, социальную аномию. Следовательно, это существование по инерции оказывается общественно дисфункциональным.

Подобная ситуация может привести к изменению статуса и функций культуры доверия, которые в подобных ситуациях выступают как дисфункциональные.

Появление культуры доверия является для общества выгодным и благоприятным. Оно способствует открытым, спонтанным действиям инновационного характера, поднимает уровень мобилизации, активности, свободы общества, стимулирует интенсивность взаимодействий, усиливает социальные связи, приводит к формированию шкалы общностей и тем самым к развитию потенциала самореформирующегося общества, его субъективности. Распространенная культура доверия оказывает обратное действие на свою собственную структурную обусловленность, повышая нормативную стабильность, прозрачность социальных организаций, прочность общественного строя (порядка), ответственность властей, соблюдение прав и обязанностей. Таким образом, приходит в движение спираль самоподтверждающегося, укрепляющегося и расширяющегося доверия, что имеет позитивное значение.

Противоположная картина складывается в случае распространения культуры недоверия, даже если оно оправдано исторически. Культура недоверия, приводя к демобилизации, пассивности, осторожности, оппортунизму, увеличению социальных дистанций, отчуждению, снижает субъективный потенциал общества, его способность к творческому, инновационному саморазвитию и самосовершенствованию. Более того, она действует противоположно, оказывая усиливающее влияние на патологические

структуры, которые и были причиной возникновения культуры недоверия. Таким образом, еще более усиливаются состояние нормативной аномии, непрозрачность, скрытность социальной организации, нестабильность общественного порядка, произвол властей, бессилие граждан, нарушение прав и неисполнение обязанностей. В результате приходит в движение негативная спираль, приводя ко все большему углублению всеобщего недоверия [3, с. 375].

Обратимся вновь к концепции П. Штомпки. Обсуждая роль доверия применительно к демократии, он исходит из следующих посылок:

- культура доверия с большей вероятностью появляется при демократической системе правления;
- доверие порождается демократией и поддерживает демократию;
- доверие к самой демократии обусловлено такими критериями создания «производного доверия», как подотчетность и предварительные обязательства.

На основе данных посылок Штомпка формулирует два основных парадокса демократии. Суть первого заключается в том, что доверие к демократии основано на институционализации недоверия в ее структуру (подотчетность и предварительные обязательства). Штомпка выделяет десять основных принципов демократии – легитимность, периодичность выборов и ограничение срока занятия должности, разделение властей, власть закона и независимость судей, конституционализм и правовая экспертиза, должное ведение дел (*due process*), гражданские права, принуждение соблюдения законов, открытое обсуждение, принципы общественно-политической деятельности – и отмечает, что в каждый из данных принципов институционализировано недоверие. Другими словами, демократия обеспечивает своим гражданам безопасность против потенциальных нарушений доверия. Помимо этого, основные принципы демократии напрямую соотносятся с условиями, благоприятствующими появлению культуры доверия. В итоге при демократическом режиме вырабатывается некий вид метадоверия: доверие к демократии становится ультимативной страховкой других типов доверия, стимулирует готовность к ним граждан. Однако чем более институционализируется недоверие, тем более спонтанным становится доверие. Закономерен вывод, что нарушения и нападки на демократические принципы представляют серьезную опасность для подрыва культуры доверия. Соответственно, типичные неудачи демократии сводятся к возможным нарушениям десяти предложенных фундаментальных принципов демократии.

Второй парадокс демократии состоит в том, что институционализированное недоверие должно оставаться «в тени». Иначе говоря, обширные потенциальные возможности и способы повсеместного контроля, присущие демократии, должны быть задействованы только при очень ограниченной актуализации, в редких и необыденных случаях. Доверие нельзя обеспечивать исключительно за счет эффективного контроля. Гиперактивность корректив и контроля свидетельствует: что-то не так в самой системе. И это становится сигналом гражданам к проявлению недоверчивости, что может привести к нарушению культуры доверия.

В зависимости от способа функционирования демократических корректирующих механизмов возможны две альтернативные самопродуцируемые тенденции. Если преобладает «культура недоверия», аппарат контроля, принуждения и предписаний всегда находится в состоянии мобилизации. Складывается некий порочный круг. Гиперактивность аппарата сигнализирует гражданам, что им не доверяют, и это еще более углубляет и укрепляет «культуру недоверия». Если же превалирует «культура доверия», то аппарат контроля, принуждения и предписаний задействуется только периодически. Наведение порядка демонстрирует гражданам, что первоначальное доверие восстановлено, нарушения доверия редки, и это укрепляет «культуру доверия».

Успешное функционирование демократии предполагает коммуникации между гражданами, толерантность, замену конфликта и борьбу компромиссом и консенсусом, определенный уровень цивилизованности в ходе общественных диспутов, активное участие людей в жизни общества, образованность граждан. Во всех этих случаях велика роль доверия.

В автократических системах (деспотии, диктатуры, тоталитарные системы), наоборот, выражено стремление непосредственно, напрямую институционализировать доверие и превратить его в строго санкционированное формальное требование. От граждан требуется тотальная и безусловная поддержка двух возможных объектов доверия. Во-первых, это может быть правитель – монарх, диктатор, лидер, харизматик. Здесь доверие принимает персонализированную и патерналистскую форму. Следует безусловно и беспрекословно доверять правителю не за то, что он делает, а за то, кто он есть, подобно доверию отцу. Во-вторых, в качестве такого объекта доверия может выступать сама система власти (феодалная монархия, социализм, диктатура пролетариата и т. п.), ее принципы считаются необсуждаемыми и рассматриваются как истины в последней инстанции.

Институционализация доверия в автократических системах осуществляется через двойной механизм. Это политическая социализация с закрытием доступа к информации извне и строгий политический контроль, сурово наказывающий во всех случаях неоправдания доверия. Принципы автократического режима прямо противоположны принципам демократии: все замыкается на государстве или правителе. Неслучайно для автократической политики свойственна произвольность, непредсказуемость, неопределенность. Если демократия продуцирует доверие, то автократические режимы, наоборот, – недоверие. В автократиях не соблюдается принцип взаимности: проявлять и заслуживать доверие обязаны только подвластные по отношению к правителям. Последние относятся к подчиненным с подозрением, будучи убежденными в их виновности и непослушании. Соответственно, граждане находятся под постоянным контролем. В итоге недоверие продуцирует взаимное недоверие. Чрезмерный контроль, надзор и принуждение порождают злобу и цинизм, подрывают доверие властям. Таков парадокс автократии: институционализированное доверие продуцирует всепроникающее недоверие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Фреик, Н. В.** Доверие: социологическая теория : реферат / Н. В. Фреик, П. Штомпка // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 3. – С. 145–170.
2. **Фреик, Н. В.** Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки / Н. В. Фреик // Социс. – 2006. – № 11. – С. 10–18.
3. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : АспектПресс, 1996. – 521 с.